

Гайдар Аркадий Петрович

Серезка Чубатов

Аркадий ГАЙДАР
СЕРЕЖКА ЧУБАТОВ

Рассказ

У костра на отдыхе после большого перехода заспорили красноармейцы.

- Помирать никому неохота, - сказал Сережка Чубатов. - Об этом еще в древности философы открытие сделали. Да и так, сам по себе на опыте знаю. Но, конечно, тоже - смерть смерти рознь бывает. Ежели, например, подойдешь ты ко мне и скажешь: "Дай я тебя прикладом по голове дерну", - то, ясное дело, не согласишься, и даже очень. Потому с какой стати? Неужели она, голова, у меня для того и создана, чтобы по ней прикладом либо еще каким посторонним предметом ни за что ни про что стучали?

Другое дело, когда война. Там с этим считаться не приходится. Я, может быть, в гражданскую от одного вида белого офицера в ярость приходил, думаю, что и он тоже, - потому, что враги мы и нет между нами никакой средней линии.

Вот почему на фронте, хотя и не считал я себя окончательным храбрецом - не скрою, и от пули гнулся, и от снаряда иногда дрожь брала, а все-таки подавлял я в себе все инстинкты и шел сознательно: когда приказывали вперед - то вперед, когда назад - то назад.

А заметьте еще одну вещь: трус чаще гибнет, чем рискованный человек. Трус, он действует в момент опасности глупо, даже в смысле спасения собственной своей шкуры. Например, кавалерия налет сделала, а он пускается наутек по ровному полю. И нет того соображения, что от коня все равно не убежишь, а сзади по бегущему человеку куда как легче шашкой полоснуть.

Припоминается мне такой случай. Оторвались мы вчетвером однажды от своих, затерялись, запутались и вышли в широкое поле. Стоят на том поле три дуба на бугорочке, а впереди болотце маленькое - пройти по нему можно, но хлюпко. Только сели мы под теми тремя дубами, воды напились и стали совет держать: куда идти, где своих разыскивать, как вдруг видим - скачет в нашу сторону конный разъезд всадников в двадцать. И не то важно, что разъезд, (а) то, что явно петлюровский.

"Ну, - думаем мы, - пришло время в бессрочный уходить". Кругом - как на ладони, укрыться негде, бежать некуда. Говорит мне Васька Сундуков: "Давайте, ребята, утекать что есть мочи. Может, успеем до лесу добежать". А куда уж тут добежать, когда до лесу добрых две версты! И ответил я ему с горечью: "Беги не беги, Вася, а помирать, видно, все равно придется. Тебя не держу, а сам не побегу". И как есть я коренной пехотинец, то не люблю шашек, особенно ежели, когда они сзади по черепу. Да к тому же от пули

и смерть легче.

А день был такой цветистый, греча медом пахла, пичужки какие-то, будь им неладно, душу растравляют. И окончательно было помирать неохота - но судьба.

Встали мы за тремя дубами в ряд. Гляжу, Васька партбилет из кармана вынимает с целью. И сказал я ему тогда строго: "Оставь, Василий, билет в целости! Все равно плену нам никому не будет". И мотнул он тогда головой с таким выражением, что: "Эх, мама, где наша не пропадала". И, вскинув винтовку к плечу, грохнул в сторону приближающегося разъезда. Так-то...

Спрашиваете, что дальше было? А было дальше вот что. Пробовали они нас наскоком взять - нет, не идет дело: по болотцу конь шагом двигается, вязнет, а всадники под пулю попадают. Рассыпались в цепь, окружили нас, стали кольцо сжимать. А нам что - сжимай, нам все равно пропадать.

И такая их, видно, досада взяла, неохота им, видно, из-за четырех человек на рожон лезть, так решили измором взять. Ручной пулемет притащили, и пошла такая пальба, что подумаешь - между собой два батальона бой ведут. Ну, через несколько часов патроны у нас стали на исходе, и Васька из строя выбыл, пуля ему плечо прохватила. В общем дела - конец.

Только вдруг слышим мы, что из-за леса затакал пулемет. Повскакали петлюровцы: глядим мы - от опушки люди бегут... Мать честная, богородица лесная, да ведь это же наши! Оказывается, прибежали к им в деревню пастухи и докладывают, что идет у нас настоящий бой. Наши было даже не поверили сначала. Какой бой, с кем бой, когда рядом ни одной красной части нет...

Ну, вот и всё. А говорю я это вот к чему, - закончил Сережка Чубатов. - За это самое дело нам ордена дали. Значит, как бы за храбрость. А верно ли, что за храбрость, - об этом я сам себя часто спрашиваю и так думаю: какая же тут храбрость, если просто помирать неохота и старались мы оттянуть это дело, покуда патрон не хватит! Просто, по-моему, за здравый смысл дали. То есть раз и так и эдак конец выходит, то помри ты лучше за что-нибудь, чем ни за что, - помри толком, чтобы от этого красным польза была, а белым вред. Я только так и понимаю, и, когда мне напоминают теперь: "Сережка, да ты ведь герой", - мне даже как-то неловко становится.

Холера тебя возьми, да какой же я герой, когда просто так надо было, а никак иначе нельзя!

Но ребята, дослушав рассказ, даже головами замотали, а комсомолец Мишка Заплатин сказал нерешительно:

- Так вот, по-моему, Сережа, это героизм и есть... когда человеку плохо приходится, а он еще думает, как бы помереть не задаром.

Вот если бы все...

И начались тогда жаркие споры между ребятами. Глаза заблестели, волнуется, горячатся, и каждый хочет доказать свое, и видно, что каждый надеется доказать это не столько словами, сколько делом в огневых решительных схватках славного будущего.

1927